



Миясат Муслимова

Поэт, переводчик, литературный критик, публицист. Родилась в 1960 году в Дагестане. Пишет на русском языке. Кандидат педагогических наук, заслуженный учитель Республики Дагестан, специалист по методике преподавания литературы. Председатель Дагестанского отделения Союза российских писателей, президент Клуба писателей Кавказа. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Крещатик», «За-за», «Южное сияние», «Гостиный двор», «Дарьял» и др. Стихи переведены на лакский, осетинский, балкарский, азербайджанский, абхазский, белорусский, итальянский, греческий языки. Автор множества изданных книг. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы, обладатель высшей журналистской награды РФ «Золотое перо России». Лауреат литературной премии имени Расула Гамзатова. Победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов.

И дух мой, и разум навеки с великой культурой славян

Роняет лес багряный свой убор...

Здесь нет ночей, лишь сумерки и дни,
И вой зловеший разрезает небо,
Но в краткий миг затишья и весны,
Как будто бы подернут серым крепом,
Лес клонится к поляне, прячет лица
Солдат, собравших сцену из ветвей.
Концерт на фронте — долго ли он длится?
Но он не меньше хлеба им нужней.

Все по-особому звучит и покоряет:
И музыка, и песенный задор,
Но почему так сердце замирает,
Когда поэт или артист читает:
«Роняет лес багряный свой убор...»?
Рождаются слова ему в ответ
Из детства общего, по школьной ли привычке:
«Чей глас умолк на братской переключке,
Кто не пришел? Кого меж вами нет?»

Светлее лица и роднее каждый —
Из общего далеко шлет привет
Кудрявый отрок и певец отважный,
Он был и есть, и будет сотни лет.
И не было войны. Над головами
Качались кроны и склонялся бор,
Бессмертие касалось всех словами:
«Роняет лес багряный свой убор...»

Ночное

Переждали птицы канонаду
И запели снова в темноте,
Торопясь, пока молчат снаряды,
О своей, о птичьей правоте.

Сыпались по листьям серенады,
Щелкали, свистели голоса.
В небе меркли тихие лампы,
Молчаливо слушали леса.

И когда последнее коленце
В тишине посыпалось в траву,
Громко-громко застучало сердце,
Будто бы кричало: «Я живу!»

И дух мой, и разум

Далеко на Оке пароход загудит,
Долгой моросью небо затянет,

Вдоль реки поплывут вереницы раки,
Позовут, опечалят, заманят;
А потом и звезда загорится во мгле,
Освещая великие тени.
Я живу вслед за ними на этой земле,
Пусть в далеком, другом поколенье.

Зашумит, закачается лес за холмом —
Растревожена зовом Мещоры,
Я забуду на время и город, и дом,
И родное село, и кавказские горы.
И не будет мне в том никакой укоризны,
Потому что Россия с рожденья во мне:
И Рубцов на холмах задремавшей Отчизны,
Паустовский в Мещорской своей стороне.

И поручик в дороге к предгорьям Кавказа,
И сон его вещий, и мой Дагестан —
Россия, Россия... И дух мой, и разум
Навеки с великой культурой славян.

Голос

Один мой голос — золотой —
Им правлю колесницей,
Он словно колос налитой,
Созревшая пшеница.

Другой-серебряный, ночной,
Весь в лунных переливах —
Зовет над заводью речной,
Тебя найти не в силах.

А ты — блуждающий огонь
В лесной ночи пугливой.
Какой свободой ослеплен,
Какое ищешь диво?

Медовый голос, золотой,
Серебряный, летящий —

Дневной мой голос и ночной,
Ликующе-скорбящий.

Что делать с флейтой горловой?
Петь солнцу, ветру, травам,
Пройти мелодией сквозной
По всем земным октавам...

Н. Заболоцкому

Прочитай холодные стихи глуховатым голосом скупого,
Индевеют веточки ольхи и свежо становится от слова.
Грусть погосты обнесла ознобом, тропы посыпая серебром,
Шли поэты в рубище убогом и молчали каждый о своем.

Строки стрекотали за спиною, птичью перекличку заглушая,
Сыпались ледком или порошей, беспорядок стройный нарушая,
Догоняли и живых, и спящих, брали душу каждую в залог.
Разве холод — морок леденящий? К спросу потаенному предлог.

Поэзия

Поэзия — дело седых...

В. Шаламов

Волна золотого загара,

Обветренный профиль и дым,
И жизнь не река — Ниагара.
Зачем им стихи, молодым?
У мира и нрав, и повадки —
Заманчив и трезв без прикрас.
Пусть жизнь украдет без остатка
У вольной поэзии вас.

Стихи — возвращенная юность
И жизни ушедшей фантом.
На твердость пожатья, упругость
В движении сердца простом.
Сменить ли тревожное слово,
Густые чернила кровей?

Но нет, лишь сейчас я готова
Отдать жизнь за слово о ней.

В Переделкино

И буду я жить в заповедном лесу,
Где кроны деревьев хмелеют от неба,
Где обморок листьев краюшкою хлеба
Полночные ветры хранят на весу,
Где косо летят за окном дерева,
Где листья ладоней гонимы дождями,
Где россыпью песни слагает листва,
И влажное эхо скорбит под ногами...

И буду я жить в заповедном лесу,
Где дом деревянный молчит, словно скрипка,
И ворохом дней черно-белые снимки
Проводят под жизнью свою полосу,
Где рамы темнеют в крестах у окна
И ребра заборов источены днями,
Где щедрость ладоней земле отдана,
Чтоб росы цветов захлебнулись дождями...

И буду я жить в заповедном лесу,
И, стоном берез утопая в багровом,
Качаясь под ветром, молить Его снова
Вернуть унесенное памятью Слово
И пить его горечь, как солнце — росу...

Я есть

И думалось: истрепаны слова,
и нечем чудо выразить в наш век.
Привычно все: зеленая трава,
осенний дождь и неба синева,
и море за окном, и первый снег...

И первый снег? Так вот он, за окном!
Летит с небес и кружит мотыльком,
И вьется у ресниц, как белый овод,

Метет, метет, и в белом тонет город.
Где серость зданий, улиц маета,
И шум авто, и рытвины в асфальте?
Все начинаем с чистого листа
Под снежный бал Антонио Вивальди.
И белый снег с небес — благая весть:
«Я есть!»
Как будто сброшен тягостный покров,
И было всем души своей явленье.
О, как прекрасно может быть смятенье,
Рожденное явлением снегов...

Мои родники

Превратив свои листья в клинки,
Травы бьются под солнцем слепо.
Замутились мои родники
И закрылись зеленым крепом.

И на этом спасибо. Близки
Были воды и били прозрачно.
Ухожу за водой в рудники,
Хоть их твердь и мрачна, и невзрачна.

Что фонтаны, бассейны? Эрзац.
Утоление жажды — в пучинах.
Жестким блеском мерцает кварц
И искрится в подземных глубинах.

Не иссякнет в забое руда,
Просит пота земная твердыня,
Для земли — это та же вода,
И она орошает пустыни.

Родники мои — горный хрусталь,
Небеса — бирюза, лазуриты...
Утоляется словом печаль,
Если ею же сердце разбито.